

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Литературный разум:
нейробиология, критика и теория

Цель: ознакомиться с эссе Патрика Колма Хогана «Литературный разум: нейробиология, критика и теория», рассмотреть области литературного исследования, которые используют результаты нейробиологии.

Ключевые слова: нейробиология, мозг, критика, литература.

В данной лекции мы будем говорить об эссе Патрика Колма Хогана «Литературный разум: нейробиология, критика и теория».

Патрик Колм Хоган преподает на кафедре английского языка в Университете Коннектикута. Он известен как автор книг «Политика интерпретации» (1990), «Об интерпретации» (1996, 2008), «Когнитивная наука, литература и искусство» (2003), «Ум и его истории» (2003).

В последние годы, констатирует П. К. Хоган, растет интерес к нейробиологическим подходам к литературным и другим формам гуманистического исследования. До недавнего времени число работ в этой сфере было ограничено. Большая часть проделанной работы относится к широкой категории того, что мы могли бы назвать «корреляционной критикой», которая часто является начальной фазой нового теоретического подхода к литературному анализу. В корреляционной критике исследователь находит в той или иной теории – будь то деконструкция или нейробиология – параллели для применения ее элементов и принципов в литературе. Тем не менее, кажется очевидным, что в нейрогуманитарных науках существует много перспективных исследовательских программ, которые выходят далеко за рамки корреляционной критики. В предлагаемом к обсуждению эссе изложены некоторых из них.

Цели литературной критики и теории и их отношение к нейробиологии

Может показаться, что все так хорошо знают цели литературного исследования, что нет смысла напоминать их. Тем не менее, студенты отделений литературы часто полагают, что цель литературной критики и теории – просто новое прочтение художественных произведений. Вещи, на самом деле, более сложны. Ясно, что интерпретация является центральной частью того, что мы делаем в литературном исследовании. Но это еще не всё. Мы могли бы выделить четыре основные цели литературной теории и критики: (1) эстетическая оценка работ и установление принципов для такой оценки; (2) этическая и политическая оценка работ и установление принципов для такой оценки; (3) определение общих закономерностей в рамках работ и объяснение этих закономерностей; и (4) интерпретация конкретных работ и установление принципов для такой интерпретации.

Исторически эстетическая оценка была, пожалуй, самой важной задачей в этом списке, хотя в последние годы ею часто пренебрегают. В то время как нейробиология мало что может рассказать нам о том, какие нормы должны существовать в эстетике, она может рассказать нам о том, что на самом деле есть наши негласные нормы. Действительно, эстетическое предпочтение является одной из самых передовых идей в нейрогуманитарных науках, и исследования свидетельствуют о том, что эстетическое удовольствие включает как когнитивные, так и эмоциональные компоненты. Когнитивные факторы предполагают выделение нетипичных шаблонов и приближение к определенным прототипам или, грубо говоря, средним случаям (например, самым красивым лицом является наиболее обычное лицо). Эмоциональные компоненты включают систему вознаграждения и, возможно, систему привязанностей. Эти выводы являются предварительными и явно требуют разработки и уточнения. Тем не менее, они указывают, что ученые в области эстетики уже разработали ценную исследовательскую программу. Стоит отметить, что эта исследовательская программа относится не только к приемам, но и к производству произведений искусства.

В последние десятилетия этические и политические оценки стали более заметными в основных литературных исследованиях. Литературные критики и теоретики глубоко обеспокоены влиянием этико-политических мотивов на литературные произведения, а также этическими и политическими темами, развитыми в самих произведениях. Социальная нейробиология – это область исследований, наиболее актуальная для данной темы. Социальная нейробиология и связанные с ней области, такие как социальная психология, могут способствовать этическому

и политическому литературному изучению, по крайней мере, двумя способами. Во-первых, они могут изменить наше понимание знакомых этических и политических концепций. Во-вторых, они могут ввести новые концепции, которые изменят наши исследования.

Рассмотрим, например, расизм. На общем таксономическом уровне неврологическая концепция классифицирует расизм как форму определения внутригрупповых/внегрупповых связей, широкую психологическую тенденцию, которая влечет за собой ряд когнитивных предубеждений и мотивационных предпочтений. Во-вторых, на оперативном уровне она рассматривает расизм как эмоциональный отклик на людей.

Объединяя эти два пункта, вполне можно допустить, что белый человек, у которого есть изоляционная активация в ответ на чернокожего человека, будет относиться к нему когнитивно и мотивировочно предвзято (например, предпочитая видеть, что именно белый человек выигрывает какие-то соревнования), не имея самосознательных убеждений или взглядов на черных людей в целом. Это наблюдение имеет последствия для литературной реакции со стороны персонажей и авторов на предмет критики и т. д.

Определение и объяснение закономерностей (цель номер три в приведенном списке) уже появились в обоих предыдущих пунктах (эстетическая и этико-политическая оценка). Это объясняется тем, что закономерности определения и объяснения являются ключевыми чертами нейробиологии и когнитивной науки в более широком смысле. Действительно, можно утверждать, что это самый важный вклад нейробиологии в литературное исследование. Это не обязательно означает, что объясняемые явления могли быть незамеченными ранее. Нейробиология может служить для объяснения закономерностей, которые уже были знакомы, но недостаточно хорошо изучены. Например, Ганс Роберт Яусс признал, что для эстетического ответа важно, чтобы произведение было новым, чтобы оно отклонялось от некоторых ожиданий, но чтобы оно не отклонялось слишком сильно. Нейробиологические исследования эстетической реакции не отрицают и не меняют радикально это наблюдение. Скорее, они начинают его объяснять.

По эволюционным причинам мы переживаем активацию системы вознаграждения при нарушении закономерностей. Однако, также по эволюционным причинам, нейронная активация в ответ на стимулы снижается по мере того, как опыт повторяется, становится предсказуемым или ожидаемым. Более того, стремление к распознаванию закономерности без ожидаемого результата, вероятно, вызовет неприятие. Взаимодействие этих различных факторов предсказывает явление, определенное Яуссом, – предпочтение должно быть умеренно новым, но выделяющимся на фоне закономерностей.

Этот анализ может быть продолжен. Например, высокая репутация автора может привести к вовлечению читателей в процессы, которые изменяют их изначально негативную реакцию. Кто-то может резонно возразить, что нейробиологический отчет об определенной Яуссом «эстетической дистанции» не является и не может являться полным объяснением. Он предсказывает только общую картину, а не детали. Это не говорит нам, почему конкретный автор более или менее ценится в определенные моменты времени и в определенных местах. Это вполне разумный комментарий. В ответ есть два аргумента, говорит П. К. Хоган. Во-первых, здесь используется теория «расположенного познания». Предыдущее сообщение является «классическим» в том смысле, что оно относится к повторяющимся признакам когнитивной операции. Вопрос о конкретном ответе продвигает нас, так сказать, от физики к технике. Писатели, используя принцип «расположенного познания», подчеркивают три особенности: познание Внедрено, Воплощено и Распространено. Сказать, что познание Внедрено, значит сказать, что оно всегда связано с текущей действительностью, которая является конкретной и контекстуализированной. Сказать, что оно Воплощено, значит сказать, что оно физически расположено и активно, особенно активно через тело. Сказать, что оно Распространено, значит сказать, что оно включает взаимодействие с рядом других людей, с их конкретным внедрением и воплощением. Очевидно, что любая попытка учета широкого социального восприятия должна будет учитывать не только абстрактные вопросы, но и «расположенное познание».

Это подводит нас ко второму вопросу, поднятому нейробиологическим объяснением эстетической дистанции Яусса. Нейробиологическая оценка не может объяснить всё, относящееся к какому-либо культурному, литературному или иному феномену. В то же время

объяснения самих историков и биографов кажутся неполными без общих пояснительных принципов, таких, как те, которые предоставляются нейробиологией в сочетании с соответствующими исследованиями и теорией.

Признание важности переплетения познавательных и исторических материалов привело к развитию «когнитивного историзма», одной из наиболее известных форм литературного исследования, связанных с нейробиологией.

Следует сказать о литературной интерпретации, основной цели большинства усилий студентов и преподавателей литературы. Наиболее очевидным способом расширения интерпретации является изменение тем, которые можно выделить в интерпретации. Например, христианство привносит определенные возможные значения в литературную интерпретацию – конкретный персонаж может представлять Иисуса; событие может предполагать воскрешение. Мы находим то же самое в психоанализе, где взаимодействие трех персонажей может указывать на сценарий Эдипа. Эта «тематическая инновация» в какой-то мере встречается в нейробиологическом литературном исследовании. Например, просто давая неинтуитивный анализ расизма, социальная нейробиология изменяет то, что мы можем найти при интерпретации литературных произведений.

Нейробиологический литературный анализ: «Король Лир»

Изменения в интерпретации могут быть результатом того, как мы выбираем и организуем текстовую информацию. Даже такой простой вопрос, как распознавание двух систем пространственного отображения может привести нас к тому, что мы увидим различные особенности текста, таким образом, выберем разные фразы или сцены для интерпретации. Например, в пьесе «Король Лир» есть странное расхождение в формах пространства, подразумеваемых во встрече Лира с Корделией. В широком смысле, мы можем связать теменную систему с чувством близости, поскольку это пространство возможной связности, касания. Напротив, система гиппокампа (участок мозга, отвечающий за память) является объективной, без чувства близости и возможности касания. В контексте встречи можно было бы ожидать привязки связей, чтобы подчеркнуть теменную систему. Мы находим это в случае с Корделией. Но что-то не так с Лиром. Врач просит Корделию «приблизиться», предлагая теменное пространство, определенное ближней и дальней, а не объективной сеткой. Корделия приближает это пространство через «лекарство на губах», которое она передает с этим. Ее забота о воссоединении с отцом – это вопрос периперсонального пространства – близкий, даже интимный контакт.

Корделия продолжает думать и беспокоиться о том, что ему пришлось жить в лачуге со свиньями. Здесь пространство, которое она представляет, является, в частности, заменой дома. Это вводит еще один аспект нейронной организации пространства, поскольку дом – пространство объединяющих связей. Это предполагает фундаментальную, эмоциональную организацию пространства, разделение на дом, основанный на привязанности, с одной стороны, и место более или менее сильной ненадежности, с другой. Жить в «лачуге» – это противоположность возвращению домой. Более того, подразумеваемое отвращение к проживанию «со свиньями» само по себе является продуктом системы эмоций, прямо противоположной привязанности. Технически, отвращение и привязанность – системы со сложными тормозящими отношениями.

Первые слова Лира после пробуждения относятся к пребыванию в могиле и согласуются либо с теменным, либо с гиппокампальным пространственным отображением. Но вскоре он характеризует Корделию как пребывающую на Небесах, а себя как пребывающего в Аду – космологические, а не личные пространства. Корделия метко замечает, что он «далек», комментарий, который теперь можно увидеть как сохранение его пространственного значения, равно как и последствий для его блуждающего ума. Когда он несколько оправился, он спросил, находится ли он во Франции, это переход от космологии к одинаково безличному географическому пространству. Возможно, самое яркое выражение его отчуждения от эмпирического пространства близости происходит, когда он рассматривает свои руки. Лир

не просто дезориентирован; он на самом деле не может испытывать близость контакта с пространством вокруг него – настолько, что даже задается вопросом, являются ли эти руки его руками. Это выглядит так, словно у него вообще не было периперсонального пространства, – здесь указывается на радикальное нарушение отношений привязанности.

Часть происходящего в этой сцене состоит в том, что Лир с трудом понимает, что происходит в голове Корделии. Как раз в тот момент, когда она наполнена нежностью и эмпатическим чувством, он убежден, что она его не любит. Действительно, вся трагедия в какой-то мере является результатом неудачного межсубъектного понимания, что называется «теорией разума». Существует два типа понимания теории разума. Один – дедуктивный; другой – это вопрос «моделирования» или воображения себя на месте другого человека. Само моделирование может быть спонтанным или напряженным (т. е. результатом самосознательной попытки представить себя на месте другого человека). Возможно, потому, что его положение во власти никогда не требовало, чтобы он прибегал к моделированию и связанному с ним сочувствию, Лир кажется неспособным к этому. Корделия резко контрастирует с Лиром в этом отношении. В первом акте она не больше, чем Лир, прилагает усилий к моделированию и эмпатии, возможно, из-за ее возраста и обстоятельств. Однако к концу пьесы она сумела развить эти способности. Мы видим это в ее глубоко эмпатической реакции на своего отца и на ее прощение – в ее утверждении, что «прощать нечего».

В случае исследования «теории разума» в «Короле Лире» мы видим измененные темы для интерпретации наряду с измененной «кодировкой» текста (т. е. измененным выбором и организацией элементов из текста). Это говорит о литературной ценности теории разума и эмпатии, развитой в нейробиологии и смежных областях. В связи с этим они являются двумя из самых влиятельных концепций литературной нейрокритики.

Конечно, «теория разума» не объясняет всего о воссоединении Лира с Корделией. Например, неопределенность этой сцены связана с еще одной важной темой нейробиологических исследований – с памятью. В частности, его эпизодическая или автобиографическая память нарушается – и именно в результате его неопределенного отношения к настоящему. Не узнавая места, где он находился, или одежды, в которой он был, он также не уверен, действительно ли он знает Корделию. Сцена имеет смысл, когда мы вспоминаем о важности текущих переживаний при восстановлении прошлого опыта, то есть случайность памяти при условиях, вызывающих память. Сцена может иметь мало смысла, если мы берем память как постоянное и точное представление, а не изменчивый нейронный рисунок.

Не менее важно, что неврологические исследования показывают, что «память» – это не одна система, а ряд различных систем. Возможно, наиболее важной из них является эмоциональная память. Это система «неявных» воспоминаний, которые при активации не приносят явных воспоминаний о прошлом событии, а скорее вдохновляют эмоциональный отклик. Мы можем заключить, что даже до того, как он явно узнал ее, эмоциональные воспоминания Лира о Корделии были активированы. Эти активации дают его первоначальный ответ. Размещение Корделии на Небесах – это вопрос ее идеализации, которая происходит от привязанности. Помещение себя в Ад – это выражение своего чувства вины – чувства, которое, по-видимому, усиливается привязанностью. Как указывают эти трактовки, исследование памяти также имеет потенциально важные последствия для литературного исследования.

Наконец, в дополнение к вопросу об изменении тем и кодировании наших интерпретаций. Наши интерпретации могут быть изменены только тем, что мы считаем частью текста. Очевидно, что мы не ограничиваемся словами, напечатанными на странице. По крайней мере, мы включаем широкий спектр значений, исторических ссылок и общих знаний. При этом, отмечает П. К. Хоган, нецелесообразно расширять понимание текста за пределы контекстно-зависимых значений. Нейробиологию можно рассматривать как некоторую поддержку этой точки зрения. В частности, активация правым полушарием синтаксически нерелевантных значений является частью нашего переживания литературных произведений. Они до некоторой степени являются предсказуемой частью этих переживаний.

Заключительное замечание об отличимости литературного исследования

Литературное исследование, подобно исследованию других искусств, может способствовать знанию о человеческом разуме. Но это не означает, что литературный вклад будет сделан в рамках нейробиологии и в соответствии с дисциплинарными процедурами последней.

Среди литературных критиков-когнитивистов в настоящее время наблюдается большой энтузиазм в отношении объединения с нейробиологами. Несомненно, что литературные критики и теоретики могут внести ценный вклад в те или иные эмпирические исследования. Конечно, мы хотим, чтобы исследования в области нейровизуализации продолжались и продвигались в литературном исследовании. Более того, может быть полезным добавить некоторых литературоведов к нейробиологам, проводящим эту работу. Но мозговая визуализация литературной реакции является предметом нейробиологического исследования, даже если оно воспринимает литературу в качестве своего объекта. Проще говоря, это делается и будет делаться на отделениях неврологии, а не на отделениях литературы. Эта статья была посвящена целям, которые остаются фундаментально литературными – занятиям, которыми занимаются литературоведы на отделениях литературы, даже если эти занятия включают выводы нейробиологии в свои теоретические принципы и критические практики.

П. К. Хоган считает, что при всем его энтузиазме по отношению к нейробиологическим и смежным исследованиям, было бы большой ошибкой, если бы студенты факультетов литературы, даже те, которые являются литературными критиками-когнитивистами, должны были отказаться от отличительных качеств и целей литературного исследования ради подражания более престижным видам деятельности и интересам ученых-практиков. Другими словами, нейробиология может помочь нам сделать то, что мы делаем лучше всего. Часть того, что мы делаем, – это вклад в понимание человеческого разума и человеческого общества. Чтобы продолжать и расширять этот вклад, нейрогуманитарные науки не должны перестать быть гуманитарными. Действительно, если они перестанут быть гуманитарными, то все, что отличает их вклад, также прекратится.

Вопросы для закрепления темы:

1. Каким образом могут использоваться результаты нейробиологии в литературоведческих исследованиях?

Литература:

1. Jauss Hans Robert. *Toward an Aesthetic of Reception*. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1982.
2. Robbins Philip, Aydede Murat. A short primer on situated cognition// In *The Cambridge Handbook of Situated Cognition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
3. Wehrs Donald. *Pre-Colonial Africa in Colonial African Narratives: From Ethiopia Unbound to Things Fall Apart, 1911–1958*. – Burlington, VT: Ashgate, 2008.